

СКН: Вы занимаетесь коммерческой деятельностью?

Г.Б.: Коммерческая деятельность у нас была, когда мы делали рекламу. Последние годы мы ею не занимаемся – нет заказов.

СКН: На что же Вы существуете? Ведь надо платить за аренду?

Г.Б.: Я благодарен Юрию Михайловичу Лужкову, который решением Московского правительства на 25 лет определил нам символическую плату – один рубль за один квадратный метр. Это царский подарок. Я утром просыпаюсь – думаю о Лужкове, засыпаю – думаю о Лужкове.

СКН: Прошлой осенью на Пленуме СК России, посвященном творческим вопросам, вы выступали с главной темой Пленума – «Свобода и ответственность художника». Как Вы для себя определяете эти понятия?

Г.Б.: Я не люблю говорить о высоких материях, но, в принципе, художник – это прежде всего собственная личная ответственность и совесть, а уж если ему дан галант, то это крест, который он

должен нести и использовать во благо людей. На телевидении, радио сейчас можно встретить ведущих, которых на пушечный выстрел нельзя подпускать к средствам массовой информации, настолько разрушительную энергию они собой несут. И эта чернуха уже стала вполне узаконена, она внедряется в сознание людей постоянно. Например, стало хорошим тоном причитать о том, что умер наш кинематограф. Сколько же можно! Ну, умер и умер. Но он-то на самом деле жив. Журналисты в поисках сенсаций уже окончательно заврались, потому что есть очень хорошие фильмы. Только номинации последней «Ники» чего стоят! Почему мы стесняемся об этом сказать? Есть подъем в кинематографе! Но почему же мы так любим вываливаться в грязь? Это извечная российская интеллигентская проблема – обязательно вываливаться в грязь, чтобы быть ближе к народу.

СКН: А что, народ у нас любит вываливаться в грязь?

Г.Б.: Нет, совсем не так. У нас любят убогих. У нас не любят успешных. Так уж повелось на Руси испокон веков. Да ерунда все это. Интеллигент должен оставаться интеллигентом и нести доброе и вечное всегда. И не пойду я смотреть «Даун-хаус». Я уже по фрагментам понял, что это – ощущения 14-летних мальчишек, которые просто самоутверждаются. А ведь этим мальчишкам уже под сорок. И вот здесь-то как раз и возникает вопрос об ответственности художника. Во имя чего собирать деньги на такое кино? Чтобы вот так плюнуть в вечность?

СКН: А какие достойные фильмы, появившиеся в последнее время, Вы могли бы назвать?

Г.Б.: Почему-то совершенно незамеченным прошел фильм Владимира Меньшова «Зависть богов».

СКН: Да нет, его заметили, вот только без особого энтузиазма.

Г.Б.: Ну что можно сказать по этому поводу?.. Когда твой ребенок начинает рисовать, петь, танцевать, ты же не говоришь ему: «Господи, как же ты неуклюже это делаешь! Не надо тебе этим заниматься!». А говоришь: «Молодец, смотри, как хорошо ты ножку поставил. А вот так еще попробуй». То есть мы радуемся успеху нашего ребенка. И в данном случае кинематограф, не к ночи будь помянуты, не должен вставать в позу по отношению к новым фильмам, а искать в них зерна хорошего, вытаскивать их на свет божий и говорить: «Ребята, посмотрите, ведь вы же можете! Поверьте в себя, и вы сделаете еще лучше, еще интереснее!»

Но почему-то им доставляет саднящее чувство радости растоптать даже зернышки, даже ростки, побегов нового, интересного. Если они так понимают свою профессию, не нужна такая профессия. Я не имею в виду, что надо все хвалить и облизывать. Необходим глубокий анализ с перспективой на плюс, а не просто попытка самоутвердиться за счет кого-то

созидающего. А наш сегодняшний критик чаще всего – просто разрушитель.

СКН: А как вам «Брат», «Брат-2» и их массовый успех у зрителя?

Г.Б.: Это пляски с волками. Здесь у создателей колоссальные проблемы с пониманием ответственности художника. Я как раз и говорил на Пленуме, что ответственность художника заключается в следующем: прочувствовать свое время, понять его, по возможности, и очертить главную проблему. Художник не должен давать рецепты, как ее решать, это не его компетенция. Но очертить проблему, почувствовать болевую точку и дать надежду увидеть свет в конце тоннеля – это его святая обязанность. В основе «Брата» лежит человеконенавистничество. Как можно вбрасывать в этот кипящий российский котел, в эту бочку с порохом такой горящий шмат ксенофобии! Это либо безразличие, либо провокация. И если это выдается за национальную идею, а молодежь именно так «Брата» и воспринимает, так будь она проклята, такая национальная идея.

СКН: А чем Вы можете объяснить успех разного рода «Особенностей...» – национальной рыбалки, национальной охоты?

Г.Б.: Это стремление потратить самым низменным зрительским ожиданиям. Есть, к сожалению, в нашей стране этот социум, никуда не денешься. Раньше это называлось – простой советский человек. Но уж до такой простоты опускаться! Ну, один фильм был, нуда, посмеялись. А дальше?

У нас сейчас разлито очень много пошлости. Пошлость на телеэкране, в клипах, пошлость киношная, пошлость «аншлаговская», пошлость музыки Крутого, пошлость Церетели, Шилова, Глазунова – это все становится каким-то единым пространством пошлости, из которого выбиваться и быть белой вороной очень трудно. У народа притупляется вкус. Он начинает считать эту пошлость нормой искусства. Но это – не искусство. Это пошлость. И настоящих интеллигентов это оскорбляет. Я не имею в виду себя. Я имею в виду зрителей. Они не пойдут на это кино. Не будут смотреть эту рекламу, где текст – для ублюдков: «Не тормози – сникерсни».

Ощущение такое, что весь советский народ, сократившись численностью и став в результате российским, в одночасье превратился в 14-летнего и заговорил подростковым слэнгом. Да Бог с вами! Ведь это же не так! Только что мы праздновали 200-летие Пушкина. Мы говорим с экрана о Пушкине, потом прерываем рекламой «Не тормози – сникерсни» и вновь возвращаемся к Пушкину. Да так же не должно быть!

СКН: Ситуация безнадежна? Или можно остановить этот поток пошлости?

Г.Б.: Мне кажется, что в какой-то момент этим должны наесться. Должно произойти пресыщение, когда уже из ушей начнут лезть все эти «не тормози – сникерсни». Тогда, наверное, повернут свои глаза на что-то другое.

Думаю, уже сейчас происходит что-то обнадеживающее в этом смысле, намечается некоторый разворот. Уже захотелось посмотреть про нашу жизнь, про нас. Потому что в какой-то момент показалось, что все мы – сплошь бандиты, рокеры, проститутки, наркоманы, а нормальных людей и нормальных чувств у нас просто уже не существует. Неправда. Существует.

Посмотрите вокруг. Люди рождаются – значит, рождаются в любви. Если в любви – значит, влюбляются. Жизнь человеческая продолжается. Ее еще никто не отменил. Значит, об этих вечных истинах можно говорить.

Я недавно был ведущим фестиваля Булата Окуджавы. Очень много услышал, увидел в эти дни. И понял, что Окуджава, все его творчество – это как Библия в стихах, потому что его поэзия охватывает все стороны человеческой жизни. Я смотрел на молодых и старых людей, стоявших в огромной толпе на Арбате, и видел, что их всех объединяет Окуджава. Он говорит о каких-то вечных истинах высоким поэтическим языком. Булат Шалвович оказался сегодня всем близок, понятен и по-прежнему востребован. В этом я вижу залог того, что мы вернемся к доброму началу и в жизни, и в кино. А в театр народ уже вернулся. Ведь такого театрального бума давно не было. Не за горами и бум киношный.

СКН: А среди молодых, приходящих в кино сейчас, Вы видите какие-либо обнадеживающие перспективы?

Г.Б.: Они все очень неоднородны, индивидуальны. Вообще, нет такого понятия – молодое поколение. Это же не поголо-